

А.В. Репневский, И.А. Репневский

ПРЕССА АРХАНГЕЛЬСКОГО СЕВЕРА О ХАРАКТЕРЕ ОТНОШЕНИЙ ПОМОРОВ К НОРВЕЖЦАМ ПЕРИОДА НЭПА

Известно, что Архангельский Север¹ традиционно ориентирован на торговые связи с Северной Норвегией. Жизнь соседей по Арктике всегда интересовала поморов. В начале 20-х гг. XX в. он сыграл важную положительную роль в восстановлении и развитии разорванных войной и революцией дипломатических и торговых отношений между нашими двумя странами.

Исследования, посвященные отражению динамики русско-норвежских отношений в северной прессе, были начаты, но не закончены. Еще в конце 80-х гг. этим занимался сотрудник Поморского международного университета (ныне — Поморский государственный университет, ПГУ) Константин Чудинов. В 1993 г. в издательстве библиотеки университета г. Тромсё и издательстве музея этого города вышла его брошюра «Библиография по Норвегии и русско-норвежским отношениям в периодике Архангельской губернии. 1838–1917». Автор попытался собрать воедино и хронологически систематизировать сведения о дореволюционных публикациях по означенной теме. Но период послереволюционный — советский — остался вне поля его зрения. Естественно, что и самый обильный на газетно-журнальные статьи и прочую текущую информацию постсоветский период также не мог быть им задет.

В историческом, культурологическом и социологическом отношении было бы полезно подготовить справочное издание подобной библиографии 20–80-х гг. XX в. и особенно постсоветской северной библиографии, касающейся отношений Русского Севера с Норвегией и другими странами Скандинавского полуострова. (Отметим, что период второй половины 30-х гг., времена Второй мировой войны и холодной войны в этом смысле тоже важны, но менее значимы, так как в основном ограничены официальными статьями, заметками и информационными сообщениями, перепечатанными из центральной прессы СССР. В них почти отсутствует фактор собственно «поморской» заинтересованности в делах их пограничных соседей.)

Авторы данной статьи полагают, что изучение многочисленных публикаций периодики Архангельской губернии, края, области 20-х — начала 30-х гг. XX в. позволит выявить стремления северян, характер развивае-

мых связей с Норвегией, отразить вновь сложившийся образ Норвегии и норвежцев, некоторые другие интересные для северного читателя моменты истории и культуры Норвегии, определить то, что принято называть общественным мнением поморов в отношении этой страны.

Для осуществления этих целей в Государственном архиве Архангельской области (ГААО) и областной библиотеке совместно со студентами истфака ПГУ в течение нескольких лет были просмотрены подшивки следующих газет и журналов 1920–1930-х гг.: «Волна» (главная губернская газета 20-х гг.) и сменившая ее в 30-е гг. газета «Правда Севера», еженедельные приложения к «Волне» «Штурвал» и «Северная деревня», бюллетень «Северное рыболовство», журналы «Северное экономическое обозрение» и «Северное хозяйство» и некоторые другие².

Указанные выше источники оказались наиболее информативными по заявленной теме. Кроме сотен небольших заметок о текущих событиях в Норвегии и состоянии советско-норвежских торговых и политических отношений, главные краевые (затем областные) издания публиковали объемные статистические, научно-технические и аналитические статьи. Эти материалы имеют не только публицистическое, экономическое, но и историческое значение по вопросам развития хозяйственного сотрудничества и соперничества двух стран на всей акватории Баренцева, Белого морей, а также прилегающих к ним территорий. Крупных статей, относящихся только к 1920-м гг., обнаружено более 70.

Выявлены следующие темы, по которым данные издания систематически высказывали весьма квалифицированное мнение.

Первая тема (заглавная) — лесное хозяйство края и развитие его лесозаготовительных возможностей. С ее освещением тесно связано постоянное обсуждение деятельности смешанных русско-норвежских пароходных обществ и норвежских концессий на территории Северного края (например, статья «Промышленность на Севере» в газете «Волна» № 366 (917) за 27.03.1923, с. 2, — о лесных концессиях и привлечении частного капитала).

Вторая постоянная рубрика — это рыбные и морские промыслы Советской России/СССР и Норвегии. (См., например, одну из первых публикаций в бюллетене «Северное рыболовство», сент.–окт. 1922, № 2, с. 6–10. Статья называется «Морские звериные промыслы», автор И.В. Бурков.)

Третьей по частотности, но исключительно актуальной по сегодняшний день темой были статьи, посвященные отечественным и зарубежным полярным экспедициям, норвежской экспансии в Арктике и конкуренции ее с Россией в этой части земного шара в прошлом и настоящем. (См. например,

статью «Карская экспедиция в Норвегии» в газете «Волна», № от 26.10.1926, с. 2, или статью «Жив ли Амундсен?» в «Волне», № от 6.09.1928, с. 1.)

Обязательно в информативном газетном изложении присутствует и четвертая характерная для портовых городов тема — прибытие и убытие судов в порты Белого и Баренцева морей, начало и окончание навигации, шторма, гибель судов и взаимное спасение норвежцами и русскими потерпевших крушение зверобоев, рыбаков и научных экспедиций. (См., например, заметку «Гибель 20 норвежских рыбаков» в газете «Волна» от 3.02.1917, с. 3, или заметку «Трагедия в море» в «Волне» от 20.02.1928, с. 3, или заметку «Вести от Нобиле нет» в «Волне» от 7.06.1928, с. 1.)

Статистически пятой, менее значимой темой является информация о внутреннем положении и жизни в Норвегии. Ее освещение, как правило, имело сильный идеологический акцент. В 1920-е гг., к примеру, упор делался на фактах, подчеркивающих классовую напряженность в норвежском обществе, на ожиданиях возможного революционного переворота. (См. заметку «Раскол норвежской рабочей партии» в газете «Волна» от 3.02.1927, с. 3, или заметку «Предстоит забастовка моряков Норвегии» в «Волне» от 31.01.1928, с. 3, или письмо «Да здравствует Советская Скандинавия!» в «Правде Севера» от 11.11.1930, с. 3.) Популярными были заметки о сотрудничестве профсоюзов или о профессиональных соревнованиях рабочих. (См. заметку «Норвежские строители хотят сотрудничать с советскими» в «Волне» от 27.04.1927, с. 3, или «Днепрострой начал соревнование с рабочими Норвегии» в «Волне» от 29.09.1929, с. 3.) Неполитические темы в основном ограничивались рассказами о спортивных мероприятиях с участием спортсменов из России и Норвегии. (См., например, заметку «Из Москвы в Норвегию на лыжах» в «Волне» от 30.12.1926, с. 2.)

Вообще тематика русско-норвежских связей не во всем поддается систематизации, так как представлена в прессе широким диапазоном интересов: это и проблема организации охраны морских рубежей, и вопросы принадлежности и эксплуатации Шпицбергена, динамика и номенклатура экспортной торговли, организация, цели, ход и результаты различных арктических экспедиций.

В относительно небольшой статье невозможно со всей полнотой охарактеризовать все периодические издания и систематизировать все публикации. Поэтому мы остановимся на двух главных: газете «Волна» и журнале «Северное хозяйство».

Самым массовым источником информации для северян всегда оставалась газета «Волна» (с мая 1929 г. и по настоящее время она называется «Правда

Севера»). В 20–30-е гг. XX в. она выходила на 6–8 страницах. Позже, в годы Великой Отечественной войны, ее объем сокращался даже до 1 страницы. Почти 6 лет (1920–1925) ее главным редактором был Иван Васильевич Боговой³. Многие статьи, касающиеся норвежской тематики, публиковались за его авторской подписью, что автоматически указывает на важность темы. Постоянное обращение к жизни северного российского соседа в 1920-е гг. продолжало традиции дореволюционной прессы и свидетельствовало о равнодушии читателя и редакции к этим вопросам.

«Норвежские» статьи этого периода часто носят острый, проблемный характер. Они явно писались без оглядки на то, «что скажет Москва». Особенно острая полемика развернулась на страницах газеты «Волна» по территориальным проблемам, которые чрезвычайно актуальны и сегодня⁴. В публикациях осуждался «захват» отдельными норвежскими частными фирмами (при молчаливой поддержке государства) русских земель в Ледовитом океане. Свободный характер дискуссий начала–середины 20-х гг. подтверждается тем, что газета предоставляла возможность изложить свое видение по ряду вопросов даже представителям Норвежского правительства. Так было, например, в 1923 г., когда начальник «Плавморина»⁵ Иван Месяцев в январском номере газеты обвинил Норвегию в попытке в 1920 г. аннексировать Новую Землю⁶. Четыре месяца спустя, в мае 1923 г., почти на всей второй странице «Волны» появилась обстоятельная ответная статья торгового агента Норвежского королевского правительства в Архангельске Эйнара Анвика, опровергающего обвинения советского автора⁷. Как видим, плюрализм мнений еще был возможен.

На страницах «Волны» сталкивались различные (иногда полярные) мнения о необходимости или, наоборот, вреде норвежской зверобойной концессии, представляемой советским правительством на значительной части акватории Ледовитого океана до Новой Земли включительно. Большинство местных авторов пришли к выводу, что политические выгоды этого соглашения не стоят экономических и экологических потерь от него. Москва же до начала Второй мировой войны придерживалась противоположного мнения и не допускала ликвидации Олезундской зверобойной концессии.

Журнал «Северное хозяйство» никогда не являлся массовым, он был рассчитан на специалистов-хозяйственников и историков-краеведов. В 20-е гг. (в период нэпа) на его страницах отчетливо просматривался и уживался дух государственника и предпринимателя, заинтересованного в развитии края. Учредителем журнала являлось Губернское экономическое совещание. Журнал не избегал рекламы, что было существенным подспорьем для

издателей. Первый январско-февральский номер вышел в Архангельске к весне 1923 г. Журнал издавался обычно в виде сдвоенного номера объемом в 120–130 страниц. Его содержание мы рассмотрим в качестве образца, задавшего тон всем последующим выпускам нескольких лет.

Характерной чертой журнала был перевод и перепечатка текущей и итоговой зарубежной информации и целых статей из английских, американских, немецких, норвежских и прочих торговых газет и журналов вроде «Timber Trades Journal». Это обеспечивало редакции широту взглядов, глобальное, неместечковое представление о месте Русского Севера и северных соседей России в Арктике и во всем мире. На его страницах для публикации переводов иностранной прессы существовал специальный подзаголовок: «Из заграничной печати». Полезным для хозяйственников и руководителей того времени, а также для позднейшего исследователя является то, что «Северное хозяйство» давало большие объемы сравнительной статистики в области отечественной и зарубежной промышленности и торговли, тоннажа судов, обращая особое внимание на Россию и ее северных соседей. Эти статьи и статистика, как правило, комментировались специалистами. Приведем примеры, характерные для начала деятельности журнала.

В январско-февральском номере за 1923 г. под заголовком «Развитие экспорта леса в Северной России»⁸ дан перевод ноябрьской статьи 1922 г. уважаемого и влиятельного в деловом мире того времени английского лесоторгового периодического издания «Timber Trades Journal»⁹. В ней британские специалисты подробно описывали огромные географические масштабы лесных угодий недавно созданного в Советской России государственного треста «Северолес» и возникающие в связи с этим потенциальные экспортные возможности Советской России¹⁰. Англичане напоминали своим читателям, что в 1913 г. из всех портов Белого моря было вывезено 325 тыс. стандартов только пиленого леса и еще большее количество прочих лесных материалов. По мнению английского журнала, «Европа будет приветствовать восстановление русского лесного экспорта, так как она не видит возможности удовлетворить свою потребность в лесных материалах из других источников на приемлемых для нее условиях, а увеличение русского экспорта окажет устойчивое умеряющее влияние на сильно возросшие за время прекращения русского вывоза цены на скандинавские и финские лесные товары»¹¹. Такой вывод британских специалистов, напрямую связанных с крупнейшей в мире биржей лесных товаров, не мог не радовать отечественных политиков и хозяйственников, поэтому с ее содержанием редакция «Северного хозяйства» и поспешила ознакомить регионального читателя.

Добавим, что статья прямо указывает на скандинавов, прежде всего на шведов и финнов, как на конкурентов беломорского лесного товара.

В данном номере этому вопросу посвящена и специальная заметка под названием «Скандинавский лесной рынок»¹². В ней рассматриваются текущие позиции и ближайшие перспективы шведских и финляндских лесозаготовительных продаж в свете возврата России на международный рынок этого товара. Отмечается, что по причине возобновления закупок елового товара в России цены на ель в Швеции «слабые», т.е. «созрели» к понижению.

Норвежцев готовящийся возврат России на мировые торговые рынки задевал в значительно меньшей степени. От экспорта русского леса из беломорских портов они могли куда больше выиграть, чем понести потери от снижения стоимости собственного, относительно невеликого, объема лесных продаж. Дело в том, что при отсутствии у Советского Союза собственного торгового флота норвежский морской тоннаж почти автоматически становился главным перевозчиком русского леса с Белого моря на мировые рынки. Недаром за норвежцами закрепилась слава «морского извозчика».

Норвежцы традиционно хорошо зарабатывали на подобном фрахте своих судов в прошлом, в их транспортных судах нуждалась и советская власть. Об этом свидетельствовала ежегодная статистика грузооборота архангельского порта по тоннажу, числу и флагу посетивших его судов дальнего и каботажного плавания. Такой материал статистического и аналитического характера также регулярно публиковался в журнале «Северное хозяйство»¹³. Так, статистика 1922 г., отраженная на его страницах, показывает, что количество и тоннаж судов под норвежским флагом, посетивших архангельский порт, значительно превышали суммарные цифры захода всех прочих иностранных кораблей. В Архангельск с грузами и за ними в ту навигацию пришли 49 «норвежцев» и всего 32 судна из прочих стран (Англии, Германии, Голландии, Дании и Болгарии). Общий тоннаж судов, прибывших под норвежским флагом, также превышал грузовой потенциал судов из всех других государств (53 500 норвежского тоннажа против 43 000 т прочих стран). Эти цифры говорят о важности контактов с морскими фирмами норвежцев для восстановления экономической жизни Архангельска и порта. Редакция журнала отлично это понимала и акцентировала на этом вопросе свое внимание. Редакционная оценка журнала оказалась верной: в навигацию 1923 г. 188 из 230 зафрахтованных в беломорские порты судов, т.е. 81,7 %, оказались норвежскими¹⁴. Чтобы сбить монопольную цену норвежцев на фрахт, северные и центральные русские власти старались диверсифицировать фрахтовую политику, т.е. расширить географию фрахта, но все

равно в 1924 и 1925 гг. норвежский фрахт был выше 50 % от общего числа судов, перевозивших беломорский лес на экспорт.

Журнал обращал серьезное внимание и на деятельность иностранных лесных концессий в Архангельском крае. На его страницах изучалась деятельность смешанных обществ, таких как «Руссанглолес» и «Руссголландолес». Не меньшее внимание с самого начала существования журнала уделялось процессу создания, а потом и деятельности Онежской лесопромышленной компании, организованной 21 октября 1922 г., с первоначальным капиталом 300 тыс. фунтов стерлингов. На страницах журнала указывалось, что $\frac{1}{2}$ акций принадлежала «Северолесу», а еще $\frac{1}{2}$ — норвежско-голландской группе бывших собственников этих лесных заводов. Изначально рассматривалась возможность передачи в эксплуатацию этой в основном норвежской группе капиталистов на 20 лет 1 млн 800 тыс. десятин леса по р. Онеге и нескольких заводов, подлежащих восстановлению и модернизации. Большая часть леса должна была пойти на экспорт. Это тоже увеличивало заинтересованность норвежцев в сотрудничестве с властями Архангельской губернии и Северолесом.

В том же первом номере была приведена историческая статистика о довоенном вывозе соленой сельди из Норвегии в Россию¹⁵. Этот материал также опирался на норвежские данные как наиболее точные. Из них, в частности, следует, что царская Россия в период с 1909 по 1913 гг. была крупнейшим потребителем т.н. «весенней сельди» (стурсельди): в Россию в среднем за указанные годы осуществлялось 47,1 % ее вывоза из Норвегии. А наиболее дорогой, крупной и жирной сельди Россия потребляла куда меньше: 4 % и 16,2 % норвежского экспорта соответственно¹⁶.

Есть в этом номере и подробная информация о результатах тюленьего промысла Олезунда и Сондмера в 1922 г.¹⁷ Она тоже основана на данных норвежской прессы («Fiskets Gang», 13.12.1922) и журнальных комментариях к ним¹⁸. Сообщались в подробностях результаты весеннего боя морского зверя норвежцами.

С тревогой говорилось о том, что в 1922 г. на тюлений промысел к Белому морю и в Давидстред было направлено 40 норвежских судов из Олезунда и Сондмера. Указывалось, что в 1921 г. таковых зверобойных шхун было гораздо меньше — 26 — и все они были снаряжены только для одного рейса. А нынче (в 1922 г.) большинство судов совершали по два рейса. В результате добыча 1922 г. оказалась гораздо больше, чем в 1921 г. В статье скрупулезно, до каждого ёре¹⁹, подсчитывается выручка норвежцев от своего успеха в зонах лова. Главное в добыче — тюлень сало и шкуры,

а тюленей было добыто немало — 104 027 голов. По подсчетам журнала, при средней цене 7 крон за шкуру прибыль составила 728 189 крон. Кроме того, сала было вытоплено 3 016 683 кг. При стоимости 37 ёре за кг это дало еще 1 116 173 кроны прибыли. Сюда добавлялись 13 мускусных быков по 1 тыс. крон за голову. Получалось, что стоимость добычи в сумме составила 1 857 362 кроны. «Северное хозяйство» не забыло приплюсовать к этому и прибыль от 10 пойманных живых и 20 убитых белых медведей²⁰.

Потери норвежцев в тот сезон были незначительны: 2 судна утонули, но их команды были спасены. Еще 3 судна были захвачены советскими властями в горле Белого моря и доставлены в Архангельск, так как вышли за пределы международных вод и нарушили советскую территориальную морскую границу, установленную в 12 миль²¹.

В статье приводился и доход норвежских китобоев, которые на 7 судах добыли 80 китов и получили 62 000 крон дохода. Зачем архангельскому читателю такие подробности? Дело в неутраченной еще традиции поморов воспринимать промыслы норвежских соседей почти как собственные, в ощущении пространств арктических морей как общего с ними поля деятельности. Несмотря на информационный характер этого журнального материала о результатах успешной зверобойной работы норвежцев, в нем с очевидностью просматривается тезис об упущенной поморами прибыли. Ведь в этой зоне вдоль берегов Мурмана и в горле Белого моря могли быть и отечественные парусники. Норвежцев, как и прежде, рассматривали как способных, технически более обеспеченных, грамотных и удачливых конкурентов в рыбном и зверобойном деле.

Позднее, в сентябре 1923 г., надеясь быстро восстановить собственные промысловые возможности и потеснить норвежцев, местные хозяйственные власти были крайне недовольны передачей в концессию Олезундской группе судовладельцев обширной территории от Мурманских берегов до Новой Земли. И это недовольство отражалось на страницах последующих выпусков журнала «Северное хозяйство».

В самом конце рассматриваемого номера в разделе «По Северу» освещается отношение новой России к судьбе Шпицбергена, приводится текст ноты народного комиссара по иностранным делам т. Литвинова министру иностранных дел Норвегии г. Мовинкелю о жизненной заинтересованности в шахтах этого архипелага «северных и северо-западных областей России, промышленность и средства сообщения коих всегда находились в зависимости от ввозного угля». Но в то же время советское правительство заявляло, что не может признать имеющим силу не только Парижский трактат от 9

февраля 1920 г., но и «любые решения, которые были приняты в отношении вышеуказанных территорий без участия России»²².

С этого момента в каждом следующем номере находим как информационные, так и большие аналитические, статистические, технические, исторические, острые, часто полемические и продолжающие ту или иную тему статьи, напрямую посвященные Норвегии и другим странам Скандинавии или косвенно тесно связанные с Норвегией рамками международной торговли и рыболовства. Эти статьи и заметки носили системный характер, параметры публикуемой информации от года к году вполне сравнимы, что позволяет историку объективно судить о динамике прогресса или деградации тех или иных аспектов взаимных отношений двух стран.

К середине 1920-х гг. Норвегию в Архангельской прессе чаще всего ставили в пример в качестве передового в промышленном и технологическом отношении конкурента, у которого следует учиться: перенимать и внедрять в производство удачные технологические новинки, уже принятые на вооружение промышленниками и промысловиками Норвегии. Это, как сейчас говорят, весьма креативный — созидательный — подход к проблеме взаимных отношений двух северных стран.

По результатам анализа этих источников можно сделать несколько важных в научном отношении выводов.

Во-первых, материалы архангельских (добавим: для 30-х гг. и мурманских) периодических изданий, посвященных русско-норвежским связям, обильны, информативны и еще далеко не все введены в научный оборот. Между тем для 1920-х гг. они дают полное представление о настроениях местных властей и региональных хозяйственных интересах — о движении снизу за или против развития сотрудничества с Норвегией в определенных областях, о возможных формах и примерах такого сотрудничества. Журнал «Северное хозяйство» вообще может служить образцом здорового творческого хозяйственного подхода и рвения за развитие экономики края.

Во-вторых, обилие и регулярность публикаций по вопросам сотрудничества России и Норвегии в указанный период свидетельствуют о том, что читающая и заинтересованная часть населения Северного края, а затем Архангельской области имела полное представление о взаимоотношениях стран, экономических и технологических достижениях норвежцев в сфере рыболовства и мореходства, а скандинавов — в лесном деле. Уровень этих представлений был не ниже, чем в конце XIX — начале XX в. С учетом резкого повышения уровня грамотности населения и широкой его вовлеченности в активную экономическую, особенно зверобойную, рыболовную и

лесоэкспортную деятельность, степень такой информированности северян следует считать значительно более высокой. Следует иметь в виду и то, что газеты и журналы были в то время наиболее массовым и читаемым источником информации, которому, безусловно, доверяли.

В-третьих, сам факт того, что региональная пресса столь часто и подробно обращалась к теме русско-норвежских связей, говорит об их экономической и политической важности для Архангельского Севера.

Плюрализм мнений, дискуссионность, самостоятельность, практичность и в то же время масштабность мышления делали северную региональную прессу 1920-х гг. интересной как для читателя тех лет, так и для позднейшего исследователя-историка.

***

¹ Архангельский Север: Архангельская губерния (1917–1929), Северный край (1929–1936), Архангельская область (с 1936 г. по настоящее время).

² Авторами были изучены следующие периодические издания (в скобках поставлены годы их издания):

Газета «Волна» (До начала интервенции в августе 1918 г. и после 1929 г. называется «Правда Севера»), а также приложения к ней — еженедельники «Штурвал» и «Северная деревня».

Журнал «Северное хозяйство» за 1922–1929 гг. и его продолжение «Хозяйство Севера» (1929–1936).

Журнал «Северное экономическое обозрение» (1922–1924).

Бюллетень «Северное рыболовство» (1922–1923).

Газета «Северный комсомолец» (выходила с 1920 г. весь рассматриваемый период).

Газета «Красный Северный флот» (1921–1923).

Газета «Комсомолец» (1922–1931).

Газета «Большевицкая путина» (1930–1953).

Газета «Моряк Севера» (выходила с 1931 г. весь рассматриваемый период).

Газета «В бой за экспорт» (1931).

Газета «Боец за экспорт» (1932).

Газета «В бой за прорыв» (1931).

Газета «Экспортник» (1932).

Газета «Водник Севера» (1933).

Газета «Портовик» (выходила с 1934 г.).

Газета «Северный краевед» (выходила с 1934 г.).

Газета «Арктическая звезда» (выходила с 1936 г.).

Газета «На боевом посту» (1933).

Газета «За стахановский порт» (1934–1941).

³ Боговой Иван Васильевич // Поморская энциклопедия. История Архангельского Севера. Архангельск, 2001. Т. 1. С. 79.

⁴ Архив внешней политики МИД РФ (далее — АВП РФ). Ф. 4. Оп. 30. Д. 50.

⁵ Плавморин — Плавучий морской научный институт. Создан на основании декрета СНК 10.03.1921. Позже на его базе создан ПИПРО (см.: Плавморин // Поморская энциклопедия. Т. 1. С. 307).

⁶ Волна. 1923. № 10. 16 янв.

⁷ Волна. 1923. № 109. 23 мая.

⁸ Развитие экспорта леса в Северной России // Северное хозяйство. 1923. № 1. С. 71–113.

⁹ В «Timber Trades Journal» статья была напечатана 29 ноября 1922 г.

¹⁰ Устав «Северолеса» был утвержден Советом труда и обороны (СТО) 17 августа 1921 г.

¹¹ Развитие экспорта леса в Северной России. С. 72.

¹² Скандинавский лесной рынок // Северное хозяйство. 1923. № 1. С. 111.

¹³ См., например: Грузооборот Архпорта в навигацию 1922 г. // Северное хозяйство. 1923. № 1. С. 75.

¹⁴ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1175. Оп. 3. Д. 16. Л. 42; АВП РФ. Ф. 4. Оп. 30. Д. 50. Л. 10–10 об.

¹⁵ Довоенный вывоз норвежской соленой сельди из Норвегии в Россию (по норвежским статистическим данным) // Северное хозяйство. 1923. № 1. С. 98.

¹⁶ Там же. С. 98.

¹⁷ Написание географических названий и других имен собственных оставлены авторами статьи в редакции того времени.

¹⁸ Тюлений промысел Олезунда и Сондмера в 1922 г. // Северное хозяйство. 1923. № 1. С. 100.

¹⁹ Ёре — самая мелкая денежная единица Норвегии, сравнимая с копеейкой.

²⁰ Тюлений промысел Олезунда и Сондмера в 1922 г. // Северное хозяйство. 1923. № 1. С. 100.

²¹ Норвежская сторона в то время де-юре эту 12-мильную границу не признавала, но советовала своим морякам не нарушать ее. Подробно о захвате 25 мая 1921 г. норвежских парусников «Поляргутен», «Капфлора», «Реже» и последующих переговорах по поводу этих судов-браконьеров см.: *Ретневский А.В.* СССР–Норвегия: экономические отношения межвоенного двадцатилетия. Архангельск, 1988. С. 82–87.

²² По Северу // Северное хозяйство. 1923. № 1. С. 119.